

**ЖЕНСКОЕ КАК «СВОЕ» И «ДРУГОЕ»:
ВАРИАЦИИ НА ТЕМЫ ФИЛОСОФСТВОВАНИЯ
Л. ИРИГАРЕЙ И Э. ЛЕВИНАСА***

© Г. В. Мелихов

В настоящей статье предпринята попытка выйти на проблематику онтологии женского в формах символического мышления, отталкиваясь от теории полового различия Л. Иригарей и феноменологической этики Э. Левинаса.

**Мелихов
Герман Владимирович**
кандидат философских наук,
доцент
кафедра общей философии
философского факультета
Казанский
государственный университет

Ключевые слова: благодарность, женский динамический принцип, рефлексия, сотрудничество.

Работа в философии – как во многом и в архитектуре – это в значительной мере работа над самим собой. Над собственной точкой зрения.

Л. Витгенштейн

1

Прежде всего я бы хотел ответить на вопрос: почему «женское»? Почему некто в моем лице берет на себя смелость рассуждать о «женском»? Подозрительно все это. Отвечаю: мною движет одно только чувство благодарности.

Те из женщин, которые осмеливаются сегодня рассуждать о «женском» делают это, как правило, в терминах политического анализа

* Данный текст представляет собой дополненное и отчасти измененное выступление на семинаре со студентами-философами КГУ по курсу «Онтология» (группа 1841), проведенного совместно с Мэри Хоуксворт (Университет Ратгерс, США) 17.11.2006. М. Хоуксворт (Mary E. Hawkesworth) является специалистом в области современной политической философии, феминистской теории, философии науки и занимает пост главного редактора журнала «Знаки. Женщины в культуре и обществе» («Signs: Journal of Women in Culture and Society»).

(гендерные исследования), мужчины – в терминах экономики желаний (психоанализ) или рассудительно предпочитают вообще не касаться этой темы. К сожалению, мне в настоящий момент не с кем бороться, мне никого не нужно завоевывать, распалая свои желания; я даже не имею намерения строить какую-либо свою философию, уподобляя ее, скажем, этике (Э. Левинас), или заново возводить этику на основе концепта полового различия (Л. Иригарей). Я просто хочу воздать должное¹ близким мне женщинам – маме и бабушке, которые в ранние годы жизни буквально обволокли меня уютом и теплом, позволившем мне расти совершенно вольно и беззаботно. Только теперь я начинаю понимать, насколько я обязан им – на многие вещи я все еще смотрю их глазами. «Женское» – это часть моего мужского (и я хотел бы подчеркнуть специально – абсолютно позитивного) опыта, и уверяю вас, на этот счет у меня нет никаких комплексов, я совершенно не нуждаюсь в помощи психоаналитика или какого-либо другого знатока человеческих душ для того, чтобы выгравить из себя инородное «женское».

2

Быть благо-дарным в данном случае означает *помнить* о тех благах, которыми одарили тебя не за какие-то особые заслуги в этой жизни, а просто так, по факту твоего физического рождения. И это обстоятельство может многое изменить в нашем подходе к рассмотрению вышеозначенной темы.

В основании гендерных исследований лежит *недовольство* окружающей нас жизнью. Я многими вещами вокруг могу быть очень даже недоволен, но, смею утверждать, мое осознание благодарности никак не связано тем, что творится во внешнем его контексте: ни особенностями чьей-то политической борьбы, ни перипетиями текущей экономической ситуации, ни чем-либо еще столь же значительным. Если ты действительно реализовал понимание, однажды открыв для себя, чем и кому ты обязан, это понимание навсегда останется с тобой. Чувства, интенсивность и длительность их переживания – все это может варьироваться от случая к случаю, но, насколько я могу судить, истоки моего чувства благодарности теперь не имеют отношения ко времени. Хочу надеяться: благодарным (близким мне женщинам) я останусь навсегда. По крайней мере, до тех пор, пока я жив. Поэтому в данный момент я не нуждаюсь в горизонтальных, контекстуальных техниках философствования, релятивизирующих мое понимание ссылкой на его возможные истоки в настоящем.

Психоанализ, казалось бы, уходит от внешнего контекста жизни, пытаясь обнаружить фундаментальные причины человеческих поступков в некой сумрачной глубине нашей психики. Однако и психоанализ основан на все том же недовольстве, но теперь уже неудовлетворенности отдельного

¹ Так, как это может сделать человек, занимающийся, главным образом, чтением лекций по истории философии и лишь время от времени пишущий тексты на околофилософские темы, то есть с помощью укоренения своего чувства благодарности в понимании того, что произошло некогда.

человека самим собой. Именно поэтому техники психоанализа ни в чем помочь нам не смогут: меня в данный момент интересуют не свои собственные (прошлые или настоящие) психические травмы, а те блага, которые несли своей жизнью близкие мне женщины. Я бы назвал психоанализ техникой интровертивно-вертикального, но нисходящего (к негативному) анализа. Ну, не было в моей личной истории никакого конфликта: не соперничал я с Отцом, не стремился завоевать сердце Матери. Какие-то проблемы, конечно же, были; вероятно, они имеют влияние на мою сегодняшнюю жизнь, но не они *сейчас* являются предметом моего анализа.

В настоящий момент я бы предпочел ориентироваться на интровертивно-вертикальные техники анализа в их *восходящих* (к позитивному, к Благу) формах. Примером таковых могут служить классические рефлексивные техники, основанные, как известно, на предощущении гармоний и порядков в мире². Моя задача будет сводиться к тому, чтобы как можно яснее и четче осознать для себя специфику «женского» в его позитивных и фундаментальных для человека проявлениях, что, в частности, будет означать: *вспомнить* о хорошем и значимом в моих отношениях с мамой и бабушкой. Другими словами, только так – пытаюсь вспомнить и реализовать понимание – я могу (пока еще не совсем поздно) выразить свою признательность близким мне женщинам. И только в контексте этого осознания я буду ставить какие-то, имеющие отношение к делу, социальные и психологические проблемы.

В решении этой задачи я буду отталкиваться от творчества Л. Иригарей³ и Э. Левинаса, каждый из которых по-своему ставил и решал проблему «женского». Я постараюсь выделить в их мышлении «женского» какую-то одну, на мой взгляд, самую интересную и, по возможности, парадоксальную идею и далее совершу над ней ряд неправомерных с историко-философской точки зрения действий (безусловно, достойных самого сурового осуждения). Ведь там, где рассудок встречается с парадоксом, он вынужден признать свое бессилие, и нам не возбраняется воспользоваться метафорами и символами, которые издавна служили средствами не столько нисходящего, сколько восходящего подхода. В особенности это будет касаться философствования Л. Иригарей, которое мне придется освободить от, увы, сковывающих меня уз психоанализа (Л. Иригарей – философ-психоаналитик).

² См.: Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Шьрфев В. С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия в современном мире. Философия и наука. Критические очерки буржуазной философии. М.: Наука, 1972. С. 38.

³ Люс Иригарей – одна из влиятельных представительниц западноевропейской теории полового различия, выстраиваемой в противовес концепции гендера. Родилась в Бельгии в 1930 году. Автор более 20 книг по философии, психологии и психоанализу. В настоящее время живет и работает в Париже в Центре научных исследований Франции. Помимо статей, опубликованных в разных антологиях по гендерным исследованиям, мне известна лишь одна ее книга, переведенная на русский язык: *Иригарей, Л. Этика полового различия*. М.: Художественный журнал, 2005.

Как известно, в соответствии с данными социологических исследований, на 10 заключенных браков в России сегодня приходится примерно 5–6, а в некоторых регионах и все 8 разводов. Причин этого явления множество, остановлюсь только на одной – отсутствие языка для описания реальности своего внутреннего опыта и реалий взаимоотношений с другими людьми. Все люди хотят быть счастливы в семейной жизни, но даже те из них, кто готов по-настоящему что-то изменить в своей жизни ради Другого, также перед лицом своих проблем оказываются просто немы – не могут адекватно выразить то, что с ними происходит. Один пример: на протяжении последних лет 10 я вместе со студентами занимаюсь чтением и толкованием текстов по истории философии. Оказывается, самая сложная проблема для студентов – это задание «внешней», то есть рефлексивной по отношению к самому себе позиции. Посмотреть на самого себя как на Другого, отстраненно, выделить в собственном опыте какое-то содержание и поработать с ним хотя бы некоторое время, но непрерывно, то есть сделать предметом своего внимания не свойства реальных объектов, а свойства своего сознания – все это оказывается для студентов задачей почти что непосильной. Между тем, осознание женщиной самой себя в своих отличиях от мужчины, осознание своей *друговости* является достаточно эффективным инструментом установления контакта и взаимопонимания между конкретными женщиной и мужчиной. Ведь что такое, в частности, чувство любви, как не детализированное до мельчайших подробностей приятие и восторгание инаковостью другого человека?! Таким образом, проблематика полового различия – это проблематика наведения мостов, установления контактов и поиск языка, на котором можно проговорить свои проблемы, сделать их ясными для себя и другого, и благодаря этому «сдвинуться» с места в сторону установления гармонии во взаимоотношениях.

Итак, обращение к теме «женского» для меня означает не только познание «женского» как Другого, но и познание самого себя – я ищу смысл своей благо-дарности, а это и есть собственно философская задача, потому как издавна самопознание было другим именем философии.

Несколько слов о том, как философ может думать о «женском» как своем и другом. Первый, собственно философский способ отношения к теме я уже ввел – это рефлексия. Философия – это рефлексия, чтобы ни говорил об этом Жиль Делёз⁴. Мы думаем о «женском» как части наше-

⁴ «Философ – творец, он не рефлексивует». См: Делёз, Ж. Переговоры. 1972–1990. СПб. : Наука, 2004. С. 158. В настоящей работе я не имею возможности подробно рассмотреть детали своих возражений подобной (и весьма распространенной сегодня) точке зрения. Отмечу только, что философия может не конструироваться и твориться, она может просто складываться едва ли не естественным образом, практически без нашего усилия. Я хочу сказать: делёзовский творец философии – на самом деле существо чрезвычайно активное и рационально-деятельное. Если это и художник, то художник-авангардист, стремящийся переделать мир и, кстати гово-

го опыта и, в частности, нашего опыта мысли. Второй способ философствования – это то, что можно было бы назвать процедурой *сепарации* или *отделения*. Наверняка у вас уже возник вопрос: как Вы понимаете значение термина «женское»? Существует множество концепций, объясняющих смысл полового диморфизма, но все их можно разделить на два подхода. Одни говорят, что пол врожден человеку, укоренен в его биологии, другие настаивают на том, что пол человека является продуктом социализации. Отсюда дифференциация понятий – пол, гендер и феминное, например, как результат процесса идентификации, присвоения отдельным человеком некой гендерной роли.. Так вот, первое, что делает философ, – он *отделяет* себя от существующего массива знания – концепций и понятий. Зачем? Во-первых, для того, чтобы начать думать самому. Мыслить – значит всегда оставаться одним, один-на-один с мыслимым предметом. И во-вторых, для того, чтобы, как бы сказал Э. Гуссерль, «возвратиться к самим вещам», то есть занять позицию «наивного человека» как бы заново открывающего смысл вещей. Например, если мы практикуем процедуру отделения в отношении существующих знаний, мы имеем дело с «методическим сомнением» Декарта. Если мы отделяем себя от мира объектов – «реальности», то это будет «феноменологическая редукция» Э. Гуссерля. Если нас интересует история философии, то отделить себя от устоявшегося и привычного в ней можно с помощью «деструкции» М. Хайдеггера. Наконец, когда мы отделяем себя от языка, ставшего оковами для реальности, языка, не столько указывающего на реальность, сколько утаивающего ее, здесь мы встречаемся с тем, что Деррида называл «деконструкцией». Вот и мы давайте немного «понаивничаем»: попробуем исходить из того, что просто *есть* – из очевидного для всех факта наличия различий между женщинами и мужчинами, которые проявляются где угодно – на уровне тела, на уровне психики, на поведенческом уровне и т. д. Вопрос же о том, откуда взялись эти различия, каков их генезис, что первично – биологические факторы или социокультурные, эти вопросы в нашей ситуации не являются существенными. Главное – вдумываться в то, что уже есть в каждом из нас, сознательно отделяя себя при этом от своей же собственной лени – нерефлексивного использования уже существующих теорий и понятий. Наша задача: не пересказывать чужие концепции, а превращать их в инструменты для осознания самих себя.

Чему может научить нас в этом отношении Л. Иригарей? Но вначале два замечания, касающиеся формы философствования Л. Иригарей. Есть философы-конформисты и философы-нонконформисты. Когда Гегель говорил о том, что философия – это самосознание эпохи, он исходил из допущения приятия существующего в реальности положения дел. Ницше, «философствующий молотом», в мышлении своем отталкивался от реальности, кото-

рая, вовсе не чуждый рефлексии.. Либо Делёз лукавит, жестко противопоставляя в своих целях творчество и рефлексию, либо его философская позиция есть теоретическое обоснование его собственного нежелания признаваться себе в каких-то важных вещах.

рую он не принимал. Нише в своем философском творчестве сознательно выступал диагностом и проблематизатором реального положения дел. Сложность в восприятии текстов Л. Иригарей состоит, в частности, в том, что она выступает в качестве радикального философа-нонконформиста. Задача ее мысли: не успокаивать, а бередить, не приглаживать, а взвешивать и лохматить, то есть сдвигать людей с места, пробуждать в них новый сознательный опыт, вводить в рефлексию относительно собственного образа жизни. Поэтому форма философствования мыслителей-нонконформистов нередко выглядит откровенно провокативной – она также служит задаче пробуждения сознания. Женщина, вчитывающаяся в тексты Иригарей, могла бы, по замыслу их автора, встретиться с образом самой себя, но как *Другой*, более рефлексивной и сознательной.

Второй момент, на котором я бы хотел остановиться, – это ассоциативный стиль мышления Иригарей, затрудняющий восприятие ее текстов. Нужно обладать изрядной долей юмора и, возможно, еще большей степенью великодушия для того, чтобы спокойно отнестись к предлагаемой, зачастую провокативной, откровенно иронической ассоциации и, кроме того, увидеть за ней еще и какое-то, заслуживающее нашего внимания содержание. Один пример: знаменитая концепция *двух губ* как ассоциативное сталкивание двух предметов мысли – «женского», женской субъективности, с одной стороны, и анатомического строения женских гениталий, с другой. Первое, что мы должны сделать, – это отойти в сторону для того, чтобы (разумеется, у кого возникает подобного рода желание) «прохихикаться», пошепаться, а затем.. вернуться на место и начать думать. Я хочу сказать, что концепция *двух губ* не имеет никакого отношения к анатомии. Иригарей пытается противопоставить мужской, фаллической субъективности субъективность женскую, не столь однозначно-прямолинейную, складчатую и разделенную, но все же целостную, хотя и в ином отношении и иным способом (другой вопрос, удастся ли ей сделать это). Поэтому то, что заставляет нас хихикать и шептаться, – это как раз то, на что не следует обращать внимание. Мы имеем дело с языком символов, когда за прямым, аналитически явным содержанием может утаиваться другой смысл, для нас более значимый. Во всем мире, в особенности после работ Ж. Лакана, принято считать, что концептуальный аппарат психоанализа носит исключительно символический характер. Но не следует думать, что у мыслителя такого уровня как Л. Иригарей обращение к ассоциациям с телом является случайным. Но об этом я скажу чуть позже.

Ну вот, а теперь мы можем обратиться к теме «женского» у Иригарей. Что делает со своей темой Иригарей?

Прежде всего Иригарей в своих рассуждениях о специфике «женского» отталкивается от одного важного для нас положения. Вместо того, чтобы входить в дискуссию о том, что женщины нет, что «женское» – это и не «женское» вовсе, а чистой воды измышление, конструкция, придуманная мужчинами во имя реализации своих, разумеется, самых корыстных целей; вместо того, чтобы активно включиться в борьбу за восстановление попорченной справедливости, Иригарей поступает прямо противоположным

образом – она *принимает* тот образ «женского», который существует в современной культуре, и начинает работать с ним в себе. Мы видим здесь пример предельно ясно выраженной рефлексивной позиции. Ну вот такой образ женского, что поделать! И прежде чем бороться с чем-либо, надо бы сначала осознать: что представляет из себя «враг» твой. Ты искал его вовне, а он может преспокойно обитать в тебе самой.

Суть концепции «женского», изложенной Л. Иригарей в работе «Пол, который не единичен», можно свести, если отвлечься от разных частных примеров, к выражению: «Она [женщина. – Г. М.] ни одно, ни два»⁵. И вновь мы имеем дело с языком символов. Постараемся понять, о чем идет речь.

Один – принцип «мужской», фаллический, логоцентричный, солярный, символизирующий Божественную сущность или Создателя. На языке геометрических символов один – это точка, символизирующая целостность, неделимость, первопричину, самодостаточность, покой.

«Женский» принцип – это принцип динамический. Если мы проведем линию вокруг точки, перед нами возникнет круг – символ мироздания, проявленного мира. Если же мы продолжим наши рассуждения и проведем линии от центра круга к его краям, то мы этим символическим жестом покажем, что мир существует в становлении.

Центробежное движение лучей-спиц нашего «колеса» мира как раз и символизирует женский, динамический принцип.

Поскольку становление – это всегда становление чего-то, оно предполагает материал, то «женский», производящий, дающий жизнь принцип – это всегда принцип материальный, а на уровне антропном – телесный. А там, где есть становление, там есть делимость, отсутствие целостности, несамодостаточность.

Следует отметить, что «мужской» и «женский» принципы – это не плохие или хорошие ценности. Одно отнюдь не лучше или не хуже другого. «Мужской» и «женский» принципы – это принципы устройства мира, которые в символическом мышлении издавна в равной мере наделялись божественными атрибутами. Мир есть бесконечная череда смены состояний покоя и становления, статики и динамики.

Итак, «женское» – это не одно, утверждает Л. Иригарей, но почему не два? Во-первых, потому что становлению как принципу не может быть задан предел. В противном случае становление переходит в свою противоположность – покой, умиротворенность. Во-вторых, принцип становления – это всегда принцип множественности, бесконечной делимости. В своем тексте Иригарей ассоциирует этот принцип множественности с множественно-

⁵ Иригарей, Л. Пол, который не единичен // Введение в гендерные исследования. Часть II. Хрестоматия. Харьков, СПб., 2001. С. 130. Далее я буду осуществлять те неправомерные действия, о которых говорил выше: конечно, я понимаю, что делаю философствование Иригарей слишком уж рефлексивным, а ее мышление слишком уж символическим. Но я ведь говорил также: наша задача состоит в том, чтобы превращать любые концепции в инструменты осознания себя (в нашем случае – в инструмент осознания благодарности). Поэтому все, что я делаю, – не более чем вольные вариации на темы философствования Л. Иригарей и Э. Левинаса.

стью эрогенных зон у женщины. Но опять-таки это только ассоциация. Что следует понимать под «множественностью» как характеристикой «женского»? Я бы предложил такую интерпретацию: если «мужской» принцип – это принцип самодостаточности одного, то «женский» принцип как принцип множественности – это принцип открытости к изменениям, подвижности, вариативности; это принцип любознательности и интереса к Другому. В-третьих, «женское» не символизируется ни единицей, ни двойкой, потому что «женское» как принцип становления, бесконечной вариативности, изменчивости ускользает от наших попыток строго рационально концептуализировать его. Здесь нужен какой-то другой язык – не логоцентричный, ориентированный на познание статических объектов.

Иригарей постоянно экспериментирует с языком, она пытается «женское» описывать на языке ассоциаций, сталкивая несоединимое, избегая прямых цитат и систематичности. Л. Иригарей своими текстами как бы говорит нам: «Ах, вот как, вы считаете, что “женский” принцип – это принцип материальный и телесный! Пусть. Я не возражаю. Но тогда получите в свое распоряжение сугубо “женский” текст – вызывающе ассоциативный, логически непричесанный, эмоциональный и т. д.». Вместе с тем, необходимо помнить, что это только стилистический прием. Цель Иригарей – познание «женского» в себе. Поэтому она рефлексивно отделяет себя от своего же письма, снова и снова пытаюсь выявить особенности «женского» как своего телесного, не подчиняющегося логике одного-единственного, самодостаточного, чуждого становления, «мужского» принципа.

Для того, чтобы реализовывать подобный стиль письма, требуется соответствующий субъект философствования. Л. Иригарей дает имя этому субъекту – *истеричка*. Я вновь призываю вас к осторожности: не торопитесь подставлять свои ассоциации под этот термин. Речь не идет об эмоционально неуравновешенном, взбалмошном, суетливом человеке, забывающем о том, что было им произнесено минуту назад. Что такое истерия? Согласно Фрейд, истерия является конвертацией, превращением психической травмы в некий соматический, телесный симптом – онемение различных частей тела, тики, заикание, головные боли, хроническая рвота и т. д. В качестве примера могу привести известный мне случай «из жизни». Девочка, предположим, 8 лет страдает хронической рвотой с 5 лет. Рвота может застать ее в любом месте – на улице, дома, в транспорте. Как только рвота случается, ребенок тут же чувствует облегчение и продолжает заниматься своими делами как ни в чем не бывало. Родители обращались к разным врачам, ребенок был обследован полностью – результат отрицательный. Никто ничего не находит. Здорово! Между тем, скорее всего это типичный случай истерии. Девочка хорошо учится в школе, посещает занятия по музыке, какую-то спортивную секцию и... очень хочет угодить своей маме. Она должна быть наилучшей везде! Очевиден надрыв: в какой-то момент ребенок (едва ли сознавая это сам, он просто подчинялся воле родителей) заставлял себя делать то, что вызывало у него устойчивое чувство отвращения. Рвота является симптомом отвращения, как будто бы преодоленного сознанием, но живущего теперь самостийной жизнью на уровне тела.

Для Л. Иригарей важным является то, что *истеричка* – воплощение преодоленного, трансформированного телом сознания. Концепт истерички понадобился Л. Иригарей для того, чтобы мыслить «точки» (как телесные симптомы) выхода за пределы самостийной мужской идентичности, чисто «мужского» логоцентричного принципа одного-единственного «Я». «Женское» в интерпретации Л. Иригарей прерывисто, точно, неоднородно, лишено локализации в одном месте. «Женское» – воплощенное движение, сама жизнь, текучая и многоликая. Бессмысленно искать в ней «центр» (как бы они не мыслились), потому что таковых в ее существо-теле множество, они самостийны, хотя это не значит, что они не могут соотноситься друг с другом на основании чего-то общего. Такая постановка вопроса возможна, но она будет являться уступкой сугубо «мужскому» принципу. Специфика «женского», как бы настаивает Иригарей, здесь ускользает, потому как «женское» – это принцип «ни одного, но и не двух», принцип диффузии, децентрации, а не обобщения, сведения некой множественности к чему-то Одному. В какой форме этот онтологический принцип может проявляться в человеческой жизни? Ответить на этот вопрос мы постараемся чуть ниже – на материале трактовок «женского» Э. Левинасом.

Итак, Л. Иригарей «женское» мыслит как свое и в себе, но само «женское» понимает вполне традиционно: как исхождение от Одного и устремленность к Другому, как принцип становления. И это очень важно понимать: Иригарей не выступает *против* «мужского» принципа, она озабочена поиском специфики, своеобразия «женского».

6

Э. Левинас пытается мыслить «женское» как *другое*, не сводимое к себе.

Э. Левинас – мыслитель не менее радикальный, чем Л. Иригарей, но только радикализм его мысли какой-то тихий и состоит он в преодолении онтологии этикой. Выражением этого не склонного к внешним эффектам философствования является общеизвестный факт: признание к Левинасу пришло достаточно поздно – в 80-е годы минувшего века (а из жизни он ушел в 1995 году). Левинас как будто ни на что новое даже и не претендует. Напротив, он говорит о том, что неотменимо существует испокон веков, – об этически вменяемом субъекте философствования.

Радикализм философствования Левинаса состоял в попытке положить в основание философии не опыт мысли, не бытие, как это было принято у философов до него, но опыт живого человеческого общения. Фундаментальный и естественный человеческий опыт – это *опыт* ненасильственного взаимодействия с Другим. Этика в этой перспективе перестает быть нормативной областью философского знания и превращается в феноменологию живого и всегда нового опыта общения людей друг с другом.

Кстати говоря, интересно отметить, что Левинас все еще остается в России практически неизвестным мыслителем, его труды по-настоящему еще не прочитаны. И это при том, что первый сборник произведений Э. Левинаса вышел у нас в свет десять лет тому назад, в 1998 году. К настоящему времени вышли еще два тома его избранных произведений,

включая знаменитый трактат «Тотальность и бесконечное»⁶. С другой стороны, Левинас — почти что *наш* мыслитель, если иметь в виду некоторые детали его биографии: он был родом из г. Ковно (Литва), годы Первой мировой войны и революции провел (вместе со своей семьей) в Харькове, был большим любителем русской классической литературы, считал, что именно эта литература позволила ему войти в мир философии, в чтение Платона и Канта, Бергсона и Хайдеггера. Ну и сама этическая проблематика, расположенная в центре философствования Левинаса, всегда была значимой для российской философии. Так почему мысль Левинаса, несмотря на все вышесказанное, все еще не нашла своего, подходящего ей места в российском философском сообществе?

Одна из причин этого досадного недоразумения, на мой взгляд, заключена в особом стиле философских работ Левинаса — одновременно интровертивном и безличном. На страницах философских работ Левинаса можно найти детальные описания субъективных состояний и феноменов: ночи, бессонницы, женственности, мужественности, родственности, плодovitости, влюбленности, дружественности и т. д. и т. п. — разве может все это, столь шаткое и двусмысленное, быть предметом серьезной философской работы?! Создается ощущение, что все, о чем пишет Левинас, зыбко до чрезвычайности, крайне субъективно и потому, в соответствии с недавним прошлым нашей марксистской (позитивистской) философии, не заслуживает пристального внимания. С другой стороны, Левинас дает описание указанных феноменов и состояний в специфической феноменологической технике, позволяющей говорить о своем безлично, отстраненно. Читать такого рода тексты достаточно сложно. Но ведь точно так же обстоит дело и с философскими текстами других авторов — чтение их всегда представляет собой известного рода трудность. Но я уверен: со временем Э. Левинас обязательно найдет своего вдумчивого читателя и в России.

Ну, а сейчас Э. Левинас интересен нам как мыслитель, помогающий сделать следующий шаг в рассмотрении «женского»: он вводит метафоры, которые немного «приземляют» наши рассуждения, конкретизируют предельно общее и уж слишком абстрактное онтологическое полагание «женского» как динамического принципа («не одно, но и не два»).

Одна из метафор «женского» у Левинаса — *гостеприимность дома*⁷. О чем здесь идет речь?

Дом — это место, где человек, утверждает Левинас, *сосредоточен* для работы в мире. Дом — это сфера, где каждый человек находится «у себя», куда он может удалиться в любой момент. И потому мир объектов располагается относительно нашего жилища, но не как вокруг центра мироздания, но скорее в качестве некоторого благоприятного внешнего условия нашей ориентации в окружающем мире. Дом представляет собой место сосредоточения, собранности, покоя — условие готовности к рабо-

⁶ Левинас, Э. *Время и Другой. Гуманизм другого человека*. СПб.: Высшая религиозно-философская школа, 1998. Левинас, Э. *Избранное: Тотальность и бесконечное*. М.; СПб.: Университетская книга, 2000; Левинас, Э. *Избранное: Трудная свобода*. М.: Росспэн, 2004.

те. Но важно отметить: дом в сущности своей — это не место работы и не сама работа. Если мы вспомним, что ранее утверждалось нами относительно «мужского» и «женского» принципов, то можно сказать, что дом — метафора «мужского», статического принципа. Каждый человек в своем доме может интимно встречаться со своим «Я», пребывать в самодостаточном единстве, гармонии с самим собой. «Я» как характеристика *одного*, самодостаточность — все это, повторяю, свойства «мужского» принципа. Поэтому любое эмпирическое существо мужского или женского пола, пребывающая в гармонии и сокровенности дома, будет реализовывать «мужской» принцип.

Далее Левинас задается самым важным для своей философии вопросом — вопросом о Другом. Концепт Другого является для Левинаса горизонтом вопрошания о любом виде сущего. Мыслитель убежден: для того, чтобы уединенная сосредоточенность могла *осуществиться*, необходим Другой, присутствующий явно или тайно. «Явно» хотя бы потому, что покой и глубокая сосредоточенность предполагают *подготовленное* кем-то место. «Тайно», потому что все, что ни делает человек, он делает во имя Другого. Домашний уют и гармония — это то, что необходимо человеку не для себя, а для работы в мире. И потому пребывание человека в покое дома своего предполагает его — дома — *открытость* миру, то есть чисто «женский», динамический аспект. «Женское» — это тот аспект дома, который открывает его для *сотрудничества* с другими. «Женское» — это воплощенное *гостеприимство* дома.

Следует иметь в виду: Левинас вовсе не хочет низвести «женское» до функциональной роли хорошей или плохой домохозяйки. Нет ничего более ошибочного, чем такая точка зрения. Во-первых, потому что гостеприимство как открытость миру не имеет ничего общего с выполнением «работ по дому». Можно иметь дом, отвечающий самым высоким эталонам чистоты и порядка, но при этом быть закрытым миру, самозамкнутым. Во-вторых, путаница возникает оттого, что объекты мышления — «женский» и «мужской» принципы — нерелексивно отождествляются с эмпирическими женщинами и мужчинами. На деле же эмпирический, конкретный мужчина, располагающий себя в *гостеприимстве*, реализует чисто женский аспект. А конкретная женщина, ощущающая себя в уюте и самодостаточности «домашнего очага», реализует мужской аспект. «Женское» и «мужское» — это онтологические принципы, описывающие устройство мира и человека как часть этого мира.

Также следует обратить внимание на то, что «мужской» и «женский» принципы мыслятся Левинасом как уникальные, но всегда *сотрудничающие* друг с другом без того, чтобы один принцип «подавил» или «заместил» собой другой. Это означает, кстати, что философия Э. Левинаса, положившая в основу свою не самостийный опыт мысли, а всегда конкретный и живой опыт общения, является реализацией «женского» принципа. Если Л. Иригарей пытается постичь «женский» принцип в себе самой (женщине), совершая при этом невероятные рефлексивные усилия и... выступая тем самым от имени «мужского», самосознающего принципа, то Левинас-мужчина, не ставя перед собой задачу познания своего

«Я», заботясь о познании Другого, фактически выступает от имени реализовывающегося через него «женского» принципа. Все это говорит о том, что «мужской» и «женский» принципы обречены на сосуществование, сотрудничество и взаимодействие.

7

Я полагаю, пафос моего выступления ясен: это идея сотрудничества. И эта идея есть именно то, чему учили меня *своей жизнью* близкие мне женщины – мама и бабушка. Если выразить этот принцип сотрудничества женского и мужского предельно просто, можно сказать так: в мужчине есть то, что может разглядеть в нем только его женщина, и в женщине есть то, что открыть в ней может только ее мужчина..

..При условии, если нам действительно удастся отделить себя самого от чего-нибудь *своего* в себе же.